

Итоги Всесоюз. переписей населения 1970 и 1979 гг. по Тегульдетскому и Тюхтетскому районам // Архивы статуправлений Томской обл. и Красноярского края. Форма 9с.

¹⁰ Здесь и ниже подсчитано по материалам Тегульдетского и Тюхтетского районных загсов.

¹¹ Подсчитано по материалам Тегульдетского и Тюхтетского районных загсов.

¹² Подсчитано по материалам экспедиции 1986 г.

¹³ Подсчитано по похозяйственным книгам Тегульдетского р-на за 1957 г. и по материалам экспедиции 1986 г.

¹⁴ Материалы экспедиции 1986 г.

¹⁵ Используются данные опросных листов экспедиции 1986 г. о родственниках, проживающих за пределами этнической территории.

¹⁶ Данные информаторов о родственниках, уехавших с Чулыма.

Ethnic Identity of the Chulym Turks in mid-1980s

Unstable ethnic identity of an ancient Turkic-speaking population, residing along the Middle Chulym is the focus of the essay. The research is based on the results of interviewing during the fieldwork session in 1986. Situational use of a score of self-referential group names was registered. The ethnonym «Khakass» is used frequently by the youngest generation, the name is perceived as alien. Besides, it is used predominantly by the people with a deficient knowledge of the native tongue. Only 10 per cent of the group consider it to be a part of the Khakassian people, and more than 50 per cent claim for it the status of a separate people («Pistym kizhiler» — «our people»; «Yus kizhiler» — «Chulym people» etc.).

Drastic changes in settlement patterns due to kolkhoz reforms of the 1960s and 1970s triggered the assimilation of the group by Russians. Interethnic marriages and migration patterns, as well as a moderate degree of urbanization contributed to this assimilative trend and caused progressive reduction in native language usage. Educational attainment and life-style changes in their relation to the ethnic identity formation processes are also explored.

V. P. Krivonogov

© 1994 г., ЭО, № 3

Л. А. Ч в ы р ь

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ УЙГУРОВ

До рассмотрения и тем более решения проблем, связанных с соотношениями этносов и их подразделений, нелишне обратить внимание на факт неоднородности самого понятия «этнос» в современных условиях — и в теоретическом, и тем более в практическом плане. Этническая проблематика давно находится в поле зрения обществоведов нашей страны, но именно в последние годы теория этноса особенно заметно продвинулась вперед¹. Среди итогов этого продвижения ясно выделяется необходимость изучения структуры этноса и связанного с ней феномена этнического самосознания. Настоящая статья посвящена конкретному примеру — этническому самосознанию уйгуров.

Коренное оседлое тюркоязычное население Синьцзян-Уйгурского автономного района, расположенного на северо-западе КНР, ныне известно под именем уйгуров (около 7 млн. человек). Их предки жили на этой территории с древнейших времен, а небольшая группа всего 100—150 лет назад переселилась в соседнюю Среднюю Азию и Казахстан (ныне около 235 тыс. человек).

Изучение этнического самосознания уйгуров затруднено отсутствием массового материала на этот счет. Тем не менее описательная этнографическая литература о Синьцзяне (или Восточном, Китайском Туркестане, Малой Бухарии — так эта территория часто называлась в европейской науке XVIII—XIX вв.) все же содержит фрагменты интересующих нас сведений. Кроме того, экспедиционная работа в 1980-х годах в Казахстане, Киргизии и Узбекистане среди тамошних уйгуров дала автору возможность познакомиться с их убеждениями относительно этнического самосознания. Предварительное изучение собранных данных показало значительную структурную сложность этого феномена у уйгуров как в наше время, так и в начале XX в.

Чтобы правильно понять самосознание этноса, исследователь, часто человек иной традиции, обязан при анализе материалов сознательно избегать привычных или знакомых (как бы само собой разумеющихся) мнений и стереотипов, предвзятых (хотя может быть и спонтанных) интерпретаций. Непременен также и учет доминантных параметров историко-культурного бытия изучаемого этноса: в нашем случае это, безусловно, специфика мусульманской идеологии и соответствующих стереотипов мышления, свойственных уйгурам.

Принято считать, что каждый из ныне существующих народов имеет этноним — имя, под которым он известен окружающим. Этноним может быть дан народу соседями (и, кстати, не совпадать с самоназванием)². Поэтому этнонимы-самоназвания (эндоэтнонимы) справедливо признаны первым и самым ярким проявлением этнического самосознания. Эти положения уже настолько укоренились в исследовательской среде, что факт отсутствия подобного самоназвания у некоторых народов (в том числе и уйгуров) в XVIII — начале XX в. смущает иногда даже специалистов. Неясно значение этого факта: то ли он указывает на какое-то переходное состояние этноса, то ли на его «молодость», «недооформленность» этнического самосознания его членов, то ли имеет другие причины? В любом случае подразумевается аномалия, отклонение от правила. Утверждать обратное или в принципе опровергать эти тезисы вряд ли верно, но и согласиться с ними полностью не позволяет наш материал.

Прежде всего следует сразу отбросить предположение о том, что отсутствие общего самоназвания-этнонима указывает на относительно «молодой» возраст этноса. Как известно, уйгуры — древнейший центрально-азиатский народ. История их изучения довольно основательно: более тысячелетия она протекала на нынешней территории расселения уйгуров; здесь же сформировался облик их традиционной культуры, в том числе и современный язык. И тем не менее в конце XIX в., когда европейские путешественники после долгих запретов были, наконец, допущены в Синьцзян (Восточный Туркестан), они столкнулись там со множеством этнических групп, каждая из которых имела свой этноним, в то время как коренное и количественно преобладавшее население — те, кого ныне называют уйгурами, — единого общего этнонима (в обычном понимании этого термина) не имело. Китайцы и монголы называли их *чанту*, европейцы — *туркестанцами*, *тюрьками*, *малобухарцами*, *сартами Восточного Туркестана*, но все это — экзоэтнонимы, наименования, данные «со стороны». Сами они называли себя просто «мусульманами». Иногда этот термин используют как этноним и в наши дни, но сейчас все же чаще они называются *уйгурами*. Под этим именем коренной тюркоязычный этнос Синьцзяна известен миру лишь последние 60—70 лет.

История этнонима *уйгур* окончательно еще не восстановлена, хотя специалистам по истории культуры Центральной Азии это имя известно давно: оно часто фигурирует в китайских источниках I—II тыс. н. э. Уйгуры упоминаются в связи с описанием различных племенных объединений и государственных образований кочевых скотоводов Южной Сибири, Монголии, затем Тяньшаня и Восточного Туркестана³. Именно здесь носители древнего этнонима *уйгур* встретились и постепенно слились с довольно неоднородным в этническом плане местным населением, оседлым и полукочевым. Позднее интеграционные этнокультурные процессы первой половины II тыс. н. э. завершились образованием

новоуйгурского этноса. Важно, что событие это совпадает с постепенным оттеснением старого имени *уйгуры* новым самоназванием *мусульмане* (примерно с XV в.). Впрочем, существует мнение об использовании термина *уйгуры* еще в предмонгольское и монгольское время в качестве политического (этнополитического), а не просто этнонимического наименования⁴.

По данным востоковедов, в XV—XVIII вв. коренное тюркоязычное население Восточного Туркестана помимо общего имени «мусульмане» называло себя и по местам обитания в крупных оазисах (так называемые «локальные имена»): *кашгарцы*, *яркендцы*, *хотанцы*, *кучарцы*, *комульцы* и др.⁵ Фактически то же состояние позднее зафиксировали и путешественники XIX— начала XX в.⁶

Таким образом, на протяжении нескольких столетий (по крайней мере с XV—XVI вв.) среди коренного тюркоязычного населения Восточного Туркестана бытовали самоназвания, обозначающие не весь народ, а его крупные части, традиционные локальные группы. Рассмотрим их подробнее.

* * *

Локальные («оазисные») самоназвания уйгуров были в конце XIX— начале XX в., пожалуй, самыми многочисленными и распространенными. Отчасти это объясняется ландшафтно-географической особенностью Восточного Туркестана: обитаемые зоны — равнинные и предгорные оазисы, горные долины — обычно находились в довольно сложных отношениях соподчинения (торговых, административных, историко-культурных). Вследствие этого жившие в них люди могли называться сразу двумя-тремя именами. Например, *каргалик* — уроженцы и жители небольшого одноименного городка-оазиса недалеко от Яркенда. В то же время они при случае могли называть себя и *ярканлик* — яркендцы, т. е. причисляя себя к коренному оседлому населению более широкой области Яркенд, включающей помимо центрального большого города еще и довольно обширную сельскую округу, в том числе и несколько малых оазисов (среди них и Каргалик), издавна традиционно втянутых в единую хозяйственную и историко-культурную орбиту.

Ярканлик, *комул*, *кашгарлик*, *хотанлик*, *лоплик* и другие подобные названия в прямом переводе означают жителей соответствующих крупных оазисов — яркендцев, комульцев, кашгарцев, хотанцев, лобнорцев и т. д. Но содержание этих терминов и для самих уйгуров, и для их иноэтничных соседей было гораздо определеннее и уже. К примеру, киргизы из Аксу или Кашгара и их окрестностей, не говоря уже о дунганах, китайцах или маньчжурах, живущих буквально рядом с туркестанцами, никогда не называли себя «аксуйцами» или «кашгарцами», все «локальные имена» были присущи только уйгурам, это были их самоназвания.

Во время встреч и разговоров на эту тему со среднеазиатскими уйгурами выяснилось, что самоопределение вроде: «Я — кашгарец» — одновременно означало как бы два взаимосвязанных утверждения. Во-первых, указание на принадлежность к довольно крупной, всем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе хорошо известной, одной из нескольких местных культурных традиций (кашгарской). И, во-вторых, — через нее — принадлежность ко всему коренному оседлому тюркоязычному мусульманскому населению Восточного Туркестана (т. е., по современной номенклатуре, к уйгурскому народу).

Любая местная традиция (хотанская, кашгарская, яркендская и пр.) для разноэтничных жителей Синьцзяна, очевидно, обладала не просто территориально-административным, но прежде всего этнокультурным содержанием. Называя себя тем или иным «локальным именем», человек как бы включался в одно из нескольких исторически устойчивых сообществ Восточного Туркестана. Оно состояло из людей, во многом близких друг другу: говорящих на одном языке (вплоть до одинакового произношения и сходной местной лексики), распевавших одни и те же песни, рассказывавших одни сказки и предания, вместе справлявших обряды и праздники. Все это было их общим достоянием, равно как и «свои»,

местные этические и эстетические нормы и ценности, взгляды на жизнь и окружающий мир. Объединяла этих людей и неповторимая бытовая традиционная культура: местный костюм, характерные рецепты национальной кухни, узнаваемые с первого взгляда особенности декора и конструкции родного жилища и многое другое. Ко всему этому миру — достаточно цельному и автономному — человек принадлежал прежде всего по праву рождения, а также вследствие воспитания в этнически и культурно родной среде. Здесь же у ребенка постепенно зарождалось ощущение, а позднее формировалось представление об окружающем пространстве — сначала квартале, селении, потом городе, оазисе — как о своей родине. Кристаллизация подобных идей обычно усиливалась при возможности сравнения «своего» с миром иноязычных и инокультурных соседей, т. е. с представителями других этносов, которые, впрочем, в оазисах Восточного Туркестана всегда составляли по сравнению с уйгурами меньшинство.

Кроме осознания человеком всех перечисленных сторон традиционного быта и культуры, которые он разделяет с членами своей локальной группы в настоящем, оказалось, что его связывает с ними еще и нечто более важное, по понятиям самих уйгуров, — общее прошлое их предков, историческая судьба и память, общее происхождение. Это последняя идея, отраженная в устных преданиях и легендах, мыслилась по-разному: общее происхождение могло подразумевать и прямое кровное родство нескольких поколений и семейных групп, берущих свое начало или от одного реального исторического, или легендарного, мифологического персонажа. Но кроме этого, в понятие «единство происхождения» часто включали и связь с группой пришлых предков («пришельцев из Ирана», «из древнего племени» и пр.). Иногда вместо довольно расплывчатых представлений о «родных местах» возникал отчетливый образ некогда существовавшего где-то поблизости государства или могучего города, селения, к которому якобы были причастны и предки нынешних членов локальной группы. В последних утверждениях проявляется идея так называемого территориального родства. Таким образом, убежденность в особом (по сравнению с соседями) происхождении членов каждой «оазисной» группы в свою очередь способствовала ее консолидации и придавала ей этнический оттенок ⁷.

В каждом крупном оазисе были святые места, почитаемые мусульманами всей страны и даже соседних государств, но были и местные достопримечательности, памятники с в о и м великим правителям, проповедникам, воинам, поэтам, святым; здесь хранили рукописи и воспоминания о былом государственном могуществе с в о и х предков; наконец, только здесь жили с в о и богом данные соседи — друзья и партнеры либо враги. Общаясь с ними, человек не мог не выделить среди них тех, кто говорит на похожем языке, чьи обычаи и ритуалы едва ли не тождественны его, кто поклоняется многим из местных святых, приезжая для этого из других концов страны. Именно через конкретную с в о ю, до деталей известную, местную традицию человек, очевидно, и приходил к осознанию своей принадлежности одновременно и к более крупной общности, к т о м у ц е л о м у, частью чего были, например, кашгарцы и турфанцы (по сравнению с остальным совсем «чужеродным» населением).

Содержание упомянутых «локальных имен», как видим, во-первых, было сильно этнизировано и, во-вторых, по существу имело сдвоенный смысл, фиксирующий неоднозначность уйгурского этнического самосознания.

В пользу исторической правомочности такого содержания «локальных имен» у уйгуров свидетельствует и наука: результаты исследований в области уйгурской диалектологии, этнографии, отчасти — археологии, востоковедения подтверждают в большинстве случаев устойчивость и солидную хронологическую глубину существования основных локально-структурных общностей коренного населения на территории Восточного Туркестана, которые и тогда, и сейчас, несомненно, представляют собой компоненты единого целого — уйгурского народа.

Помимо рассмотренных названий локальных групп уйгуров в XIX— начале XX в. были зафиксированы существующие и поныне самоназвания, уже не свя-

занные с топонимами, хотя и обозначавшие нередко такие же локальные группы, но чаще всего уже с ярко выраженной хозяйственно-культурной спецификой. Насколько мнение самих местных жителей о своеобразии той или иной подобной группы по сравнению с остальной массой уйгуров соответствует действительности — отдельный вопрос, и он здесь не анализируется. Наша цель скромнее: уяснив содержание этих сохранившихся самоназваний, понять — было ли у самих уйгуров в XIX— начале XX в. представление о единстве этноса и его внутренней структуре.

Таранчи — название северо-западной группы уйгуров Восточного Туркестана, возникшей позже других, лишь в XVIII в., когда цинская администрация переселила в Илийский край и на запад Джунгарии несколько тысяч семей коренного оседлого населения из различных оазисов страны в целях обеспечения своих войск в этих районах продовольствием. Назвали эту группу таранчи = «земледельцы». Постепенно это «внешнее» имя утвердилось и даже превратилось в самоназвание местных уйгуров (хотя само слово изначально нетюркское). Больше того, к концу XIX в. термин «таранчи» явно расширил свой ареал: под этим именем уйгурские купцы нередко фигурировали в городах Южной Сибири, на Алтае, в Казахстане и Киргизии. Часто так же называли и коренное население всех северных оазисов Синьцзяна — от Или на западе до Турфана на востоке. Иными словами, термин *таранчи* имел тенденцию превратиться в общее название уйгуров Притяньшанья. Но как бы то ни было, первоначально *таранчи* — название локальной группы уйгуров-земледельцев, стоящей в одном ряду с хотанцами, кашгарцами, яркендцами и т. д.

В этой связи следует добавить, что в те же времена и на той же территории, для обозначения того же населения использовали и другое, дублирующее по содержанию, но менее известное самоназвание — *йерлик* (*ерлик*), *йарлик* по-уйгурски «местные». Кстати, его тоже применяли уйгуры и Или, и Турфана⁸. И это имя, легко понятное всем окружающим тюркам, было как бы негласно закреплено только за уйгурами и никем больше из соседей как самоназвание здесь не употреблялось. Это позволяет и нам отметить этот последний термин как весьма этнизированный.

Доланы — самоназвание другой группы современных уйгуров, очень своеобразной и все еще не до конца изученной этнографически. Они расселены в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного района довольно широко, но преимущественно сосредоточены вблизи западных оазисов — Аксу, Кашгара, Яркенда⁹. Ныне доланы говорят на диалектах уйгурского языка, распространенных вблизи мест их обитания. Они исповедуют ислам; в сфере традиционной культуры довольно близки оседлым уйгурам-земледельцам. Единственное, что резко отличает доланов, их хозяйство лесных кочующих пастухов, которое, естественно, определяет и заметную специфику отдельных сторон их культуры. Все это вкупе с сохранившимся самонаванием (этимология которого довольно расплывчата)¹⁰ придает последнему осязаемый этнонимический смысл.

Изучение языка, истории и фольклора доланов позволило Э. Р. Тенишеву подтвердить давнее предположение ученых о тюрко-монгольском корне этой группы. Однако сами доланы придерживаются на этот счет другого мнения, упоминая о своем якобы казахско-кыпчакском происхождении¹¹. Такого рода противоречия — не редкость в этнографии; подчеркнем лишь своеобразие самосознания доланов, хотя и уверенных в своем происхождении, но в то же время отождествляющих себя ныне к уйгурскому народу.

Таглык — «горец» по-тюркски, но в пределах Восточного Туркестана этим словом обозначали преимущественно обитавших на востоке страны уйгуров, занимавшихся горным скотоводством и примитивным земледелием. Происхождение этой группы уйгуров изучено пока недостаточно, известна лишь их убежденность в родстве с коренными оседлыми земледельцами из соседних равнинных оазисов. Однако насколько велика эта близость (вероятно, особая в каждом конкретном случае), пока неясно. Но по-своему знаменательно, что термин *таглык* по

существом разделял всех восточнотуркестанских горцев на уйгуров и неуйгуров: киргизы, сарыкольцы, казахи, ваханцы — все они таглыками обычно не назывались.

Итак, этноидентификация людей, называющих себя таранчами, таглыками или доланами, была по существу сходной: все они ощущали себя принадлежавшими к уйгурам. Но в то же время самосознание представителей всех трех групп оказалось неединообразным. Таранчи, например, осознавали себя типичной частью коренного этноса; таглыки тоже не отделяли себя от уйгуров, хотя и подчеркивали свое необычное для основной массы народа традиционное хозяйство; наконец, доланы, не отрицая своей нынешней принадлежности к уйгурам, все же помнили о своем изначально ином происхождении.

Эти же три последних рассмотренных самоназвания имеют еще одну общую черту — ареалы соответствующих групп уйгуров обычно выходили за пределы одного-двух оазисов, и, может быть, поэтому их знали по всему региону. Но наряду с ними бытовали и менее известные самоназвания, хотя и они тоже использовались коренным населением относительно широких зон. Довольно любопытно в этой связи частичное совпадение таких ареалов с тремя основными историко-культурными областями Восточного Туркестана — северо-восточной, юго-восточной и западной¹².

Уйгурам каждой такой области был присущ свой вариант общеэтнической народной культуры; на территории этих областей в древности и средневековье существовали различные государственные образования; но самое главное — различался этнический состав населения каждой историко-культурной области в XIX—XX вв., а также традиционно-устойчивое направление внешних культурных связей местных уйгуров с соседними народами. Логично предположить, что все это не могло не повлиять на этническое самосознание уйгуров каждой из трех означенных частей Восточного Туркестана. Но наш материал показывает, что ситуация во всех трех случаях сложилась разная.

Северо-восток (оазисы Комуля-Хами и Турфана). Помимо основных, «оазисных» имен местные уйгуры иногда назывались и «общим» именем — *кормуль-ерлик* и *сарт-хами*¹³. Вряд ли эти самоназвания употреблялись часто, но все же они существовали, по-видимому, для выражения осознаваемого единства всех коренных жителей этой части Восточного Туркестана перед лицом пришельцев — китайцев, дунган, казахов, монголов, даже соплеменников — кашгарцев (в XIX в.).

Запад (оазисы Аксу, Куча, Кашгар, Яркенд, Илийская долина). Здесь население всех оазисов было тесно связано между собой, но направления внешних контактов устойчиво и значительно различались: илийские таранчи (центр — г. Кульджа и г. Чугучак) более всего взаимодействовали с населением соседних районов Казахстана, Алтая, Южной Сибири; уйгуры из Аксу и Кучи активнее всего торговали и контактировали с северными киргизами, а кашгарцы — с жителями Ферганы. Такие контакты с этнически и культурно весьма разными группами отразились на самосознании западных уйгуров — здесь не возникло «общего» самоназвания; среди населения Средней Азии они до сего дня известны под разными именами — *таранчи* и *кашгарлыки*.

Юго-восток (оазисы Хотан, Чира, Керия, Ния, Черчен и др.). Здесь в единое историко-культурное целое были связаны и равнинные жители, и горцы: все они уйгуры, а называют себя *мачин* (самоназвания по оазисам здесь использовали редко). Согласно местной легенде предки коренных жителей этой части Восточного Туркестана относились к «племени мачин» и были первыми насельниками страны. Позднее сюда же по соседству переселились якобы еще два «племени» — *ардбюль* и *хурасан*, потомки которых, по мнению уйгуров-керийцев, и сейчас живут западнее их, в районе Аксу и Кучи¹⁴. Никаких дополнительных известий о двух последних названиях нигде пока не найдено, но независимо от степени правдоподобия этой легенды очевидно, что перед нами осколок старого народного представления об исторической структуре этноса.

Итак, все групповые самоназвания уйгуров, рассмотренные выше, были заметно этнизированы, содержание их так или иначе подразумевало наличие некоего целого — уйгурского этноса. В таком неявном, не вполне ощутимом виде в среде коренного оседлого населения Восточного Туркестана в XVIII—XX вв., безусловно, жила идея этнического единства. Однако в литературе встречаются факты, правда редкие, подтверждающие ту же идею уже непосредственно.

Члены французской экспедиции в Восточный Туркестан (90-е годы XIX в.) зафиксировали мнение самих восточнотуркестанцев-*туранцев*, якобы отделявших себя от «тюрков» и от «иранцев», но все же считавших себя близкими и первым, и вторым¹⁵. Если иметь в виду идею этнического единства всего коренного населения Восточного Туркестана, то отголоски ее можно найти и в записках пленных шведских офицеров, попавших в Сибирь (первая половина XVIII в.). Некоторые из них позднее посетили Яркенд, даже составили одну из первых карт оазиса¹⁶, однако «малобухарцы» будто бы при встречах убеждали шведов в том, что они — потомки «таджиков». Прав В. В. Григорьев, специально комментировавший этот пассаж: конечно, имелся в виду не современный среднеазиатский этноним, а сходный термин, обозначавший в те времена особую социально-культурную прослойку туркестанского общества¹⁷. Вопрос о родстве или типологическом сходстве коренного оседлого населения обеих частей Туркестана сейчас нами не обсуждается. Важнее подчеркнуть другое: в сообщении шведов зафиксировано представление о единстве происхождения и этнокультурного облика по крайней мере всех оседлых коренных обитателей из многочисленных оазисов Восточного Туркестана.

В самом начале статьи уже упоминалось еще одно общее самоназвание восточнотуркестанцев — *мусульмане*. С современной точки зрения бросается в глаза условность этого термина в качестве этнонима. Это обстоятельство, видимо, и послужило одной из причин его замены в 20—30-х годах XX в. старым этнонимом «уйгуры». Указывает ли этот факт на какое-либо значительное изменение в этническом самосознании народа? Попробуем в этом разобраться.

Известно, что результат этнического самоопределения любого человека часто зависит от обстановки, обстоятельств, ситуации, в которой оно происходит. Причем, быть может, важнее всего (в глазах этого человека) статус его собеседника. Например, если дунганин или киргиз в Кашгаре поинтересуется этнической принадлежностью местного оседлого жителя, то в ответ он вряд ли услышит: «Я — мусульманин». Иное дело — встреча с чужаком-европейцем или представителем государственной власти (т. е. обычно китайцем или маньчжуром); перед лицом явных «неверных» («кафиров») такое самоопределение выглядит органично и оправданно. Вероятно, то же происходило и в начале XX в., и в конце XIX в., когда к местным жителям обращались С. Гедин или М. Певцов: в разговоре с такими собеседниками самоидентификация «мусульмане» была абсолютно естественна.

Содержание оппозиции мусульмане — немусульмане, безусловно, не было ни раньше, ни теперь на территории Синьцзяна одномерным, т. е. исключительно конфессиональным; оно означало целый культурный комплекс, связанный с исламом и поддерживаемый официальной мусульманской доктриной. С точки зрения восточнотуркестанцев суть этого противопоставления — несовпадение всех жизненно важных показателей, отделяющих приверженцев ислама от чужаков с их кардинально иным мировоззрением и укладом жизни.

В то же время каждый человек, как известно, одновременно является членом нескольких разнообразных социальных групп и, соответственно, идентифицирует себя с ними, хотя в каждом конкретном случае на первый план как бы выдвигается то одна, то другая его идентификация. Ведь индивид живет в определенном этнокультурном окружении, а содержание и форма взаимодействий с разными собеседниками и партнерами часто не совпадают, из-за чего люди и вынуждены выбирать наиболее адекватную ему самоидентификацию в условиях определенного контакта.

Тот же принцип — влияние этнокультурной и политической ситуации на выбор самоназвания целым народом — как будто можно проследить и на историческом материале. Так, завершившаяся во второй половине XV в. исламизация коренных жителей Восточного Туркестана способствовала их окончательной этнической, культурной и политической консолидации и, вследствие этого, появлению самоназвания *мусульмане*, вскоре приобретшего качество этнонима. Такой факт можно интерпретировать как естественную реакцию на изменившиеся исторические условия: в жизни этноса произошел значительный качественный сдвиг, рывок. К тому моменту старое, известное название *уйгуры* уже постепенно изменило свое содержание, в конце концов превратившись в локальное имя лишь одной, северо-восточной группы, которая дольше и упорнее всех сохраняла свою приверженность старым религиям — буддизму, христианству, манихейству. Наконец, после XV в. самоназвание коренного населения страны — *мусульмане* утвердилось повсюду, символизируя вновь образовавшееся единство, отражая завершение этого длительного процесса и даже выполняя функцию этнического маркера.

Но с течением времени ситуация в регионе менялась, появлялись новые потоки переселенцев, усложнялся этнокультурный и социально-политический процессы. К XVIII—XIX вв. на изучаемой территории уже обитало множество мусульманских этнических групп — казахи, киргизы, дунгане; на этом фоне самоназвание уйгуров «мусульмане» воспринималось уже чисто условно, но все же продолжало существовать. Причина этого ясна: в XVII—XVIII вв. заметно усилилась этнополитическая и культурная конфронтация коренного населения Восточного Туркестана сначала завоевавшим страну джунгарам, потом цинскому Китаю, в состав которого она и вошла под названием Синьцзян. Все это не могло не усилить еще больше самоощущение уйгуров как мусульманской общности (в противовес официальной власти). Но с другой стороны, все отчетливее проступала необходимость выделения уйгуров среди мусульманских этносов, живших по соседству. На протяжении XIX—начала XX в. таким признаком, отличавшим уйгура от не-уйгура, было локальное имя, т. е. принадлежность к той или иной крупной локально-культурной (оазисной) общности — к кашгарцам, турфанцам или таранчи: подобные самоназвания в глазах и умах всех жителей Синьцзяна имели ярко выраженный этнический оттенок.

Дальнейшее бурное течение этнокультурных и социально-политических процессов к началу XX в. вполне логично, как кажется, привело уйгуров к новому этапу осознания своего этнического единства и, соответственно, обострило потребность иметь четкое, недвусмысленное и «консолидирующее» имя, этноним — символ, этноним — лозунг. Внешне это проявилось в официальном принятии этнонима *уйгур* на съезде представителей коренного населения разных районов Синьцзяна сначала в 1921 г. в Ташкенте, а затем в 1930-х годах в Китае. Это событие порой оценивается излишне драматично, едва ли не как акт насилия со стороны тоталитарных режимов России (затем СССР) и Китая, в состав которых входили и входят уйгуры; как результат навязывания народу «искусственного» имени и пр. Опровержение таких толкований — в одобрении и молниеносном приятии термина уйгур самим народом и в Синьцзяне, и в Средней Азии, вследствие чего он быстро и органично внедрился в быт и современную идеологию (при этом самоназвание «мусульмане», разумеется, не исчезло вовсе, а просто отошло на второй план). Содержание его ныне, конечно, отличается от аналогичного древнего термина, но сам по себе возврат этнонима кажется вполне закономерным и естественным.

Предпринятое выше подробное изложение материалов о самосознании и самоназваниях уйгуров имеет оправданием лишь стремление автора убедить читателя в трех положениях.

1. Уйгурское этническое самосознание XIX—XX вв., рассмотренное сквозь призму отражающих его самоназваний, очевидно, не было монолитным: оно двух-трехслойное и многокомпонентное. Его характерная черта — сочетание в соз-

нании каждого индивида представлений о принадлежности к единому большому народу и одновременно к одной из нескольких составляющих его локально-культурных групп. Отсутствие в недалеком прошлом у уйгуров так называемого «общего этнонима» (в нашем понимании!), покрывающего все эти группы, не является, как оказалось, бесспорным указанием ни на высокую степень консолидации этноса, ни, напротив, на его «недоразвитость» или на «состояние распада». Сложное, комплексное самосознание уйгуров отнюдь не кратковременно, не «переходно», скорее наоборот перманентно (для уйгуров, по крайней мере, уже на протяжении нескольких столетий), что едва ли не типично для народов Средней и Центральной Азии.

2. Проблема уйгурского этнического самосознания, сложная и разноплановая, по существу еще не исследована; в настоящей статье автор ограничился лишь периодом XIX—XX вв. Приведенные выше факты свидетельствуют, как кажется, о парадоксальном свойстве этого феномена: он не только объективно обусловлен¹⁸, но в то же время и чрезвычайно чувствителен к происходящим в обществе социокультурным и политическим трансформациям. Так, в XIX в. и несколько ранее в этническом самосознании уйгуров идея единого этноса существовала, хотя и в несколько аморфном виде, обозначенная названием «мусульмане». Но при этом в каждом конкретном случае это общее определение непременно дополняли еще и локальным именем. Позднее, уже в первой трети XX в., вследствие в корне изменившейся этнополитической обстановки в регионе, возникла постепенно осознававшаяся народом необходимость в наличии более четкого и объединяющего названия для коренного этноса Синьцзяна, ибо прежде использовавшийся в этом качестве термин *мусульмане* уже перестал быть адекватным новым условиям. Именно тогда на первый план опять вышел этноним *уйгуры*, пополнивший необходимой гранью потребность этнического самосознания народа. Последующие десятилетия нашего века подтвердили эту тенденцию: самоназвание уйгуры ныне является основным, ведущим этнонимом, одновременно все отмеченные выше (начиная с XIX в.) разновидности этнической идентификации уйгуров сохранились вплоть до наших дней, хотя проявляются они обычно уже лишь в определенных ситуациях и в разной степени. Но важно, что они по-прежнему актуальны и отнюдь не исключают друг друга. Напротив, лишь их сочетание дает исчерпывающее полное представление об этническом самосознании современных уйгуров.

Структурная сложность этнического самосознания уйгуров по всей видимости, тесно связана с его исторической нестабильностью. Этот вопрос по существу еще не изучен, но уже наш материал отчасти свидетельствует о том, что в разные исторические периоды отдельные компоненты изучаемого феномена могли актуализироваться либо отходить в тень, но необязательно исчезать совсем. Исследователи, ограниченные обычно своими источниками, не всегда в состоянии фиксировать абсолютно все слои или компоненты этнического сознания в их явном виде, из чего, естественно, не следует, что они перестают быть его частью.

3. Структурные подразделения уйгурского этнического самосознания (и этноса), отмеченные в самоназваниях, изначально отнюдь не все и не всегда были собственно этническими по своей природе. Очевидно, в определенных исторических обстоятельствах в разных сферах общественной жизни возникали острые ситуации сопоставления или даже противопоставления различных социальных групп. Возможно, в тех случаях, когда эти конфронтации хотя бы отчасти совпадали и с этническим делением населения, члены уже существовавших сообществ — конфессиональных, локальных, хозяйственно-культурных и пр. — признавали себя еще и этнически едиными. Впрочем, вопросы «когда», «почему» и «как» конкретно происходила подобная этнизация, как долго она функционировала и т. п., очевидно, требуют специального анализа. Но уже сейчас опыт работы с уйгурским и среднеазиатским материалом позволяет говорить о тесной зависимости между текучестью структуры этнического самосознания (казалось бы, сугубо внутриэтнического феномена) и изменениями во взаимо-

действию этноса с окружающим миром. Успешное изучение феномена этнической самоидентификации предполагает максимальное внимание со стороны этнографов к каждой персональной точке зрения, какой бы странной или непонятной, на первый взгляд, она ни казалась. Навязывание «своего» смысла народному самосознанию также антигуманно, как и ограничения либо диктат в выборе человеком его этнической принадлежности. Мы все должны прежде всего научиться адекватно понимать друг друга.

Примечания

- ¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983; Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986; Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Арутюнов С. А. Народы и культуры, развитие и взаимодействие. // М., 1989; Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопр. философии. 1990. № 12.
- ² Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1979; Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 180.
- ³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. I (история). М., 1988. С. 388; ср. Клосон Дж. О названии «уйгур» // Исследования по уйгурскому языку. Т. I. Алма-Ата, 1965.
- ⁴ Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century: a Brief Political Survey. The Hague, 1964. С. 73. Ср. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. С. 295.
- ⁵ Geng Shimin. In the Fusion of Nationalities in the Tarim Basin and the Formation of the Modern Uighur Nationality // Central Asian Survey. 1984. 3. N 4; Saguchi T. Kashgaria // Acta Asiatica. 1978. 34; Haneda A. Introduction // Acta asiatica. 1978. 34.
- ⁶ Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1949. С. 113 и др.
- ⁷ Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности // Сов. этнография. 1968. № 4; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Сов. этнография. 1974. № 2.
- ⁸ Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 101, 515, 744; Saguchi T. Op. cit. P. 62.
- ⁹ Тенишев Э. Р. Доланы и их язык // Исследования по уйгурскому языку. Т. I. Алма-Ата, 1965. С. 95; Чвырь Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы. М., 1990. С. 63—64.
- ¹⁰ Тенишев Э. Р. Указ. раб. С. 95; его же. Уйгурские тексты. М., 1984. С. 32—33.
- ¹¹ Тенишев Э. Р. Указ. раб. С. 99—100; Rhins D. de. Mission scientifique dans la Haute Asie. 2. Paris, 1898. P. 306—307.
- ¹² Чвырь Л. А. Указ. раб. С. 86—90, 270.
- ¹³ Радлов В. В. Указ. раб. С. 744.
- ¹⁴ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Спб., 1888. С. 362, 420.
- ¹⁵ Rhins D. de. Op. cit. P. 13.
- ¹⁶ Ярринг Г. Уйгуроведение в Швеции // Исследования по уйгурскому языку. Т. 2. Алма-Ата, 1970. С. 17.
- ¹⁷ Григорьев В. В. Дополнения // Риттер К. Землеведение. Восточный, или Китайский Туркестан. Вып. 2. М., 1983. С. 371. См. также Люшкевич Ф. Д. Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского Междуречья // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып. 3. М., 1991. С. 28—31.
- ¹⁸ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 99.

Notes on the Uighur Ethnic Identity

The Uighurs are an ancient and numerically dominating people of sinkionq (Eastern Turkestan), who used to call themselves by different local names, lacking a single ethnonym still in the XIXth century. Turkic-speaking population of the region has been using self-referentially the term «Moslems» since the XVth century, which was substituted by the ancient name «Uighur», better suited to modern situation, only in 1920—30 s.

L. A. Chvyr'